

АЛЕКСАНДР СЕКАЦКИЙ

ОНТОЛОГИЯ ЛЖИ

Александр Секацкий

Онтология лжи

«ИП Князев»

2017

УДК 111
ББК 87.21

Секацкий А. К.

Онтология лжи / А. К. Секацкий — «ИП Князев», 2017

В этой книге ложь трактуется как манифестация человеческой природы, как устойчивый фон работающего сознания; способность генерировать ложь и неразрушаемость ложью фигурируют в ней как родовые признаки сознания «сапиентного» типа; а путь Лжеца, фальсификатора Природы, предстает как путь человеческого бытия-к-могуществу. Для философов. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 111
ББК 87.21

© Секацкий А. К., 2017
© ИП Князев, 2017

Содержание

Предуведомление	5
Введение	6
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александр Секацкий

Онтология лжи

Предуведомление

Эта небольшая книга была написана около двадцати лет назад по мотивам одноименной кандидатской диссертации. После того как издательство предложило переиздать её, поскольку весь тираж давно разошёлся, я просмотрел текст и понял, что многие тезисы и положения книги требуют дальнейшего развития. Но это будет уже другая работа. Для настоящего издания я ограничился минимальной правкой и устранил несколько вкравшихся ошибок.

Александр Секацкий

Введение

В европейской философской традиции вопрос об истине (об истинном познании, о жизненной истине и т. д.) всегда был одним из решающих; в то же время ложь достаточно редко становилась предметом специального интереса; ложь принято скорее обличать, чем исследовать. В сущности, тотального исследования лжи во всем многообразии её модусов ещё не было предпринято: затрагивались в основном этические и логические аспекты лжи.

Целью данной работы является отслеживание форм присутствия лжи в мире, выявление места лжи в структуре сущего – её онтологии, а также той меры, в которой ложь может быть устранена из теоретического и практического разума, из сферы человеческого вообще. Поэтому предметом работы является не ложное или лгущее сознание, а сознание, способное ко лжи, или Л-сознание, «это сознание» – «разумность человеческого типа». Первое, с чем мы сталкиваемся, обращаясь к философскому дискурсу истины, состоит в простом факте – истина не дана сразу. В неустранимой двойственности человеческого познания истинное познание требует некоторых усилий, выполнения специальной процедуры. Характер процедуры, которую требуется выполнить для получения истины, может быть различным: всматривание-воспоминание (Платон), доказательство (Аристотель), приведение к ясности и отчётливости (Декарт). Условием получения истины может оказаться не только гносеологическая процедура, но и, например, аскетическая (преобразование себя, выход из обычного «повседневного» состояния). Однако в любом случае истину приходится искать, до неё нужно докапываться. По мнению Платона, истина имеет особую топику – она пребывает в сфере идей (эйдосов) и непосредственно невидима; её можно усмотреть лишь особым внутренним зрением, способным проникнуть в пределы сокрытого. Понимание истины как чего-то противоположного видимому является преобладающим и в дальнейшей философской традиции. Но если «сущность» противопоставляется «видимости» (или «кажимости», «явлению»), то свойство «быть невидимым» оказывается моментом собственного определения сущности. Согласно Гегелю, сущность просвечивает через собственную видимость, но, помимо этого, сущность явлена и в *иновидимости*, и как раз иновидимость покрывает сущность неким покровом, многоцветьем наличного бытия, в котором собственное свечение сущности (истина) едва различимо.

Принципиальное разделение мира на «явленное» и «скрытое» приходится отнести к условиям возможности самого сознания; точнее – к видеологической раскладке «этого сознания». Именно так *de facto* поступает Кант, помещая мир вещей самих по себе (ноуменов) по ту сторону видимого; однако необходимость невидимого горизонта (в чем-то тождественного сфере эйдосов Платона) не вызвала у Канта сомнений. Основное возражение, выдвигаемое Гегелем, о том, что сфера сущностей, вещей в себе, становится излишней, коль скоро никак не сказывается в дальнейшем, разумеется, приходила в голову Канту, однако он не дал эксплицитного ответа на легко предвидимое возражение. Ответ, с известными вариациями, был дан Гегелем и Гуссерлем. Он вкратце сводится к следующему: для того чтобы нечто стало видимым, его требуется не только высвечивать, но и оттенять; речь может идти о негативном условии возможности сознания, о непрозрачном, скрытом горизонте (если оставаться в пределах паноптической метафоры).

Любопытно, что Хайдеггер, пытаясь избежать отождествления истины и невидимости, принципиально определяет истину как «не-сокрытость» («алетейя»). Но, во-первых, эта несокрытость погружена в забвение бытия, а, во-вторых, потаённость и спрятанность – вовсе не единственный способ сокрытия.

Стекло скрыто, невидимо, поскольку оно прозрачно, так как смотрят сквозь него. Самое прозрачное и ясное стекло лучше всего и сокрыто. Ещё более оно сокрыто, если происходя-

щее за ним открывает жизненно важный вид и сразу приковывает внимание. Отнесём стекло к «поверхностям-1» и отметим: сознание устроено так, что «поверхности-1», или «первые поверхности», для него невидимы, ибо прозрачны.

Есть и другой род невидимых поверхностей, которые мы назовем «поверхности-2», или «вторые поверхности». Они, напротив, отражают все лучи (зеркальный эффект), и благодаря их возвратному потоку (рефлексии) виден человек глядящий в них. Сознание устроено так, что «вторые поверхности» для него так же невидимы, и лишь эта двойная невидимость задает онтологическое место субъекта (или, словами Канта, отвечает на вопрос: «как возможен субъект?»). Продолжая оптическую аналогию, выделим «поверхности-3», или «третьи поверхности», образуемые из разных степеней оплотненности и прозрачности, где можно «рассчитать процент» присутствия субъекта и объекта, а также топику такого присутствия. Это – существа, предметы, эталоны, замыслы, идеи, химеры – они и составляют содержание познания по преимуществу.

Наконец (отнюдь не для исчерпания всех возможных случаев), выделим класс «поверхностей-4», или «четвертых поверхностей», – «черных ящиков», ничего не пропускающих и ничего не отражающих. С точки зрения оптики они неотличимы от «поверхностей-1» (в обоих случаях световой луч не способен принести никакой информации), но тут аналогия с оптикой и кончается. Сознание устроено так, что «поверхности-4» для него *видимы*. В философии зафиксировано множество описаний «четвертых поверхностей», и спор шёл главным образом об их статусе. Среди самых важных результатов можно отметить Кантову «вещь в себе». Она непознаваема (что верно для «аналитической оптики»), но она ведь выявлена, и даже задано её место во взаимодействии сознания и мира. «Поверхности-4», или «вещи в себе», должны иметь определенные различия между собой, хотя бы различия в локализации, неотожждественности координат в топике сознания.

Такое разграничение классов «поверхностей», или «зон явленности», всякого возможного содержания назовем видеологическим устройством разума. И сразу же возникает вопрос: не может ли оказаться так, что невидимость некоторых вещей выступает в качестве конструктивной иллюзии, только более фундаментальной, чем та, что лежит в основе возможного восприятия? Так что нечто само по себе ложное (иллюзорное) служит необходимым условием работы сознания, без выполнения которого нет ни самого сознания, ни такого состояния сознания, как «истина»?

Чем является ложь до того, как обретает функцию «быть противоположностью истины»? Чтобы отыскать источник лжи, надо зафиксировать его как точку сводимости всех вытекающих из него потоков.

В книге «Психология интеллекта» швейцарский психолог Пиаже, рассматривая процесс формирования восприятия, обращается к перцептивным иллюзиям, составляющим довольно многочисленную группу: кажущееся неравенство равных отрезков, неравенство равных интервалов времени в зависимости от их наполненности, иллюзия веса, когда большая бумажная коробка с металлическим шариком внутри кажется легче, чем такой же шарик без коробки и др. Как бы между прочим, в ходе рассуждений Пиаже констатирует: «Иллюзия веса, отсутствующая у дефективных, возникает к концу детства, в дальнейшем несколько уменьшается. Известно, однако, что именно эта иллюзия содержит в себе предвосхищение веса и объёма, и ясно, что она... должна естественно усиливаться вместе с интеллектуальной эволюцией».¹

В этой констатации содержится воистину поразительный факт, странным образом ускользнувший от внимания швейцарского психолога: иллюзия... отсутствует у дефективных... иллюзия, которая есть ошибка (в данном случае погрешность восприятия), выступает

¹ Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969. С. 137.

показателем нормы в развитии сенсомоторного интеллекта, тогда как отсутствие ошибки означает не что иное, как очевидную патологию, неспособность.

Современная дефектология, не вдаваясь в «метафизические обоснования», пришла к надёжному эмпирическому критерию олигофрении: при отсутствии явных признаков самым валидным показателем дебильности оказывается отсутствие перцептивных иллюзий, чётко фиксируемое в тестах.

Стало быть, вот факт, над которым стоит подумать. Полагаясь на некую предварительную интуицию, можно даже сопоставить данный факт с каким-либо решающим экспериментом (типа опыта А. А. Майкельсона – Э. У. Морли, доказывающего не согласуемую с другими явлениями электродинамики движущихся сред независимость скорости света от движения Земли), который делает зримым до очевидности проблемное поле, где собрана критическая масса цепной реакции переосмысления.

Погрешность, лежащая в основе разумности... Но прежде, чем продолжить рассмотрение, сформулируем, что, собственно, нам хотелось бы знать? Ясно, что хотелось бы знать причину или, лучше пока сказать, тайну этого загадочного обстоятельства. Хотя прежде всего напрашивается вопрос, нет ли в других психических процессах – в интеллекте, в воображении – чего-либо подобного? Каких-нибудь помрачений, гарантирующих ясный свет разума? Словом, таких интеллектуальных иллюзий, о которых мы вправе бы были написать, что их отсутствие с несомненностью свидетельствует о той или иной патологии сознания скажем, об отсутствии «способности суждения».

И стоит лишь задаться таким вопросом, выбрать подходящий угол зрения, чтобы обнаружить наличие «конструктивных иллюзий» на всём протяжении сознания.

Платон, исследуя умопостигаемые основания сущего, обратил внимание на «увлекающую силу речи» и на своеобразную беспомощность перед такой силой, особенно если та находится в умелых руках («...ты сознательно ли соглашаешься... или же тебя, по обыкновению, увлекла к поспешному соглашению некая сила речи?» – Платон. Софист, 236d). В непревзойденных образцах диалектики, в диалогах «Софист» и «Парменид», вопрос о Едином, о Бытии и Небытии пересекается у Платона с проблемой лжи и проблемой софиста, т. е. *лгущего*, причём пересекается с необходимостью, поскольку одно без другого, как выяснилось, неразрешимо.

Обратим внимание на некое предельное содержание главного софистического тезиса, как оно дано сознанию. Что можно извлечь из утверждения «небытия нет»? Ну, например, ложность этого утверждения. В самом деле, нельзя ведь сказать, что это (небытие) – «несуществующие вещи»: получится, что мы приписываем небытию множественность, даём несуществующему какую-то содержательную характеристику сущего – число. По той же причине ложно утверждение о единственном числе небытия. Ложно всякое утверждение о небытии вида «небытие есть то-то и то-то», поскольку его можно сократить, привести к формуле «небытие есть...» (согласно Аристотелю, ложным будет утверждение «кентавр есть выдумка» – ведь и здесь несуществующему (кентавру) приписывается некое бытие, пусть даже «быть выдуманным»).

Возьмем фрагмент из Платонова «Парменида», где речь идёт о бытии и едином. Словно в авантюристическом романе, Парменид рассматривает одно за другим все приключения единого. Скажем, если есть единое, то оно, очевидно, не может быть причастным времени. Ведь быть во времени для единого – значит изменяться, хотя бы становиться старше самого себя, что опять же значит становиться иным (не единым). Следовательно, единое никак – никаким из трех способов – не причастно времени: ни прошлому «было», ни будущему «будет», ни настоящему «есть». Тогда утверждение «единое есть» ложно. Следовательно, если единое есть, то единого нет. Перед нами – сущая свобода диалектики как стихии. Платон не оставляет надежды на существование какой-либо истины, которую не удалось бы привести к противоречию, или противоречия, которого не удалось бы доказать. Вот ещё один фрагмент из «Парменида»: если

единое и иное (не единое) отличны друг от друга, то они тождественны. Ход мысли таков: если имя, обозначающее нечто определённое (вообще нечто), употребляется несколько раз, в разных контекстах, то оно ведь не перестаёт быть тем же самым, именем того же? Далее у Платона идёт замечательное рассуждение – очередная игра диалектики-стихии:

«Парменид. И вот когда мы говорим, что другое есть нечто отличное от единого и единое – нечто отличное от другого, то, дважды сказав “отличное”, мы, тем не менее, обозначаем этим словом не другую какую-либо природу, но всегда ту, названием которой служит это слово.

Аристотель. Совершенно верно.

Парменид. Итак, в какой мере единое отлично от другого, в такой же мере другое отлично от единого, и, что касается присущего им свойства “быть отличными”, единое будет обладать не иным каким-либо отличием, а тем же самым, каким обладает другое...» (Платон. Парменид. 147e – 148a).

Воспроизведение такого множества парадоксов и «кунштюков» неожиданно выявляет главное условие и даже рецепт их получения – последовательность мышления. Мысль, строго идущая по следу, неизбежно приводит в сферу диалектики, в «дремучий лес», где следы уже теряются, и потому последовательность оказывается наказуемой: она не ведет к выходу. Греческое слово «апория» (от «порос» – путь), или «проблема, неразрешимость которой обусловлена содержащимся в ней противоречием», буквально означает «бездорожье» (ср. соответствующую внешнюю оценку диалектики как плутания и блуждания). Уже для Гегеля было очевидно, что противоречие – не случайная находка, а то, что обнаруживается постоянно, всякий раз, когда рефлексия следует самой себе.

Возможность заблуждения всегда подстерегает как момент «несогласия речи с самой собой». Она, таким образом, «встроена в дискурс» и оказывается неизбежной, если договаривать до конца.

Видеологический анализ двух диалогов Платона как ярчайших образцов «полноты рефлексии» дает картину сквозного прозрения через «предмет речи», или элиминирования «поверхностей-3» к ровному фону.

Траектория прозрения направлена к субстанции, т. е. к подлежащему, к самому последнему слою, к последней непроницаемой «поверхности» – к бытию.

И вот, когда всё иное, контрастное, *выбрано* и через «первую поверхность» больше ничего не видно (остался ровный фон абсолютного подлежащего, чистая субстанция), тогда становится, наконец, видна сама «поверхность-1» – логика (или «речь», по Платону). Она-то в своей видимости и есть ложь (ибо истина, она – в своей невидимости).

Фигуры речи, становясь различимыми (непрозрачными), парализуют способность суждения: ведь за ними нет теперь значения, «сопротивления материала». И получается только видимость суждения, в том смысле, что видна грамматическая структура. Она теперь – пустая оболочка, поскольку исчерпано её предметное содержание. Содержание видится сквозь пустую грамматическую структуру смутным и искаженным именно потому, что нарушено условие субъектного устройства – невидимость «поверхностей-1».²

Итак, срабатывает конструктивная интеллектуальная иллюзия – иллюзия отождествления знака и денотата, но срабатывает впустую в отсутствие контраста бытия и небытия, или, иначе, в условиях неприсутствия лжи. Парменид прекрасно демонстрирует ситуацию: когда ничто не ложно, тогда ничто и не истинно; и это потому, что ложь из скрытости (где положено ей пребывать) визуализируется, является, явствуется, становится *явной ложью*.

Итак, визуализация «поверхности-1» разрушает дискурс. Разрушает и нормальную конструкцию субъекта, его трансцендентальное основание. Совершенно чёткая картина подобной

² «Грамматика делает глупым того, кто много ею занимается» (араб.) – афоризм, помещенный на первой странице «Арабской хрестоматии» В. Ф. Гиргаса и В. Р. Розена (СПб., 1875–1876).

визуализации наблюдается при шизофрении, примером чему может служить хотя бы буквальное восприятие метафор и (неизбежная обратная сторона) непонимание их смысла (экранирование «поверхности-3») больными шизофренией.

В повести Куприна «Поединок» есть великолепный по своей точности эпизод, где одним штрихом передано состояние белой горячки, обрисован, так сказать, архетип помешательства. Подпоручик Ромашов в ответ на «прощайте» Назанского говорит: «“Почему – прощайте? Почему не до свидания?” Назанский засмеялся жутким, бессмысленным, неожиданным смехом. “А почему не досвишвеция?” – крикнул он диким голосом сумасшедшего». Конструктивная иллюзия, которая «нормальному человеку» невидима (в данном случае – неслышима), поскольку относится к «поверхности-1», в случае разрушения – визуализируется и задерживает внимание, задерживает сознание, лишая его способности прозрения, а именно прозрения дальше, сквозь «первую поверхность». В норме структура слова не даётся до его значения и может быть зафиксирована только возвратным, отражённым движением – рефлексивно; но в случае поломки нормального устройства интеллекта луч сознания теряет различие между видами «поверхностей» (а тем самым и чувство реальности, в отличие от чувства нереальности) и сразу же увязает в непрозрачной среде – в видимости, во лжи. Исчезает глубина перспективы; так, «устройство слова» оказывается в том же плане, что и его значение: Дания ассоциируется со Швецией раньше, чем дойдет смысл прощания, смысл слова «до свидания» – досюда разрешающая способность прозрения уже не доходит. (Весьма характерно историческое тысячелетнее запаздывание первых сведений о грамматике, знания того, что «говоришь прозой», от умения говорить прозой.)

Отнюдь не случайна характеристика безумия как помутнения сознания – помешательства, сдвижки слоев, не пропускающих теперь ясный рассудок. Ясное и замутнённое сознание как раз и различаются между собой невидимостью «поверхности-1» в первом случае и её визуализацией – во втором.

Ведь если разобраться в том, что такое галлюцинация, или «видение», то придется признать, что это – явление («мне было явление, «видение») того, что всегда присутствует, оставаясь в невидимости, того, что в лучшем случае «мерещится», т. е. мерцает как результат дифракции на самой кромке ясного поля сознания.

Скажем, известно, что предметность мира, данная в образе, конструируется сенсомоторным интеллектом за некоторый промежуток времени Δt – квант восприятия. При этом то, что происходит внутри промежутка Δt – траектория построения образа, – до сведения сознания не доводится, не воспринимается.³ В результате этой иллюзии невосприятия мир даётся сразу – сразу как предметный, внеположный и оформленный. При патологии, перцептивных галлюцинациях, промежуток Δt становится частично воспринимаемым, т. е. иллюзия его невосприятия нарушается, и тогда возникает характерная картина «ползающих насекомых», «шевелищихся портретов» и т. д., происходит некая всеобщая химеризация явленности. Рельефность явления «забывается» тем, что должно быть скрыто. Соответственно, разрешающая способность сознания падает.

Существует ещё множество пластов субъектности, имеющих свои кванты Δt , между которыми происходит скачкообразный переход, эффект прозрения, а всякое застревание в промежуточности и порождает видения, нечто кажущееся – словом, видимость вместо сущности.

Следовательно, источник лжи с позиций философии сознания – это потеря рельефа, отождествление планов, исчезновение контраста бытия и небытия.

³ Веккер Л. М. Психические процессы: В 2 т. Т. 1. Л., 1974.

Глава 1

Природная колыбель лжи

Вопрос о том, существует ли в природе ложь до и помимо человека, так или иначе занимает биологов уже несколько столетий. Правильный ответ может показаться удивительным: в самой природе лжи не существует – ложь существует до и помимо природы. Природа не развёртывает лжи даже в том смысле, в котором она развёртывает инобытие разума: лжи нельзя приписать какое-либо нарастание или убывание (эволюцию), как не имеет эволюционного вектора имитация или взаимная аттракция полов.

Можно было бы сказать, что измерение лжи предзадано живой природе как сила тяжести с той существенной разницей, что пространство, в котором развивается жизнь, лишь толчками соприкасается с квазипространством лжи. И в этом случае ложь всегда выступает как параметр-ограничитель, т. е. жизнь наталкивается на неё и отбрасывается вспять. Но всё же за счет некоторого избытка энтелехии, за счет более плотного заполнения реальности, т. е. более высокого ранга осуществления, жизнь приходит в соприкосновение с трансцендентным полем лжи. Зоны контакта можно опознать как элементарные структуры фальсификации, как провалы целесообразности, заглаживание которых требует значительных ресурсов времени и энергии.

Следовало бы устранить некоторые недоразумения по поводу «приспособительного значения» лжи, для чего хотя бы вкратце рассмотреть явления имитации, мимикрии, паразитизма, считавшиеся со времени Дарвина основными приёмами естественного отбора. Способность многих насекомых к наследственной передаче покровительственной окраски, способность некоторых бабочек (и того же хамелеона) «маскироваться», т. е. менять расцветку в зависимости от фона, очень легко истолковать как бессознательную хитрость, как стратегию обмана, ведущую к успеху. Такая трактовка предзадана телеологической способностью суждения, неустранимым антропоморфизмом, имеющим наикратчайшую связь с состоянием сознания «теперь понятно». А. А. Любищев в применении к биологии назвал подобный способ объяснения псевдотелизмом, подчеркивая его предварительный характер.⁴ Строго говоря, единственный способ выйти из телеологии – дать механизм объяснения, не нуждающийся в телеологии.

Объясняя мимикрию в широком смысле слова, А. А. Любищев писал: «Ещё энтомолог Сэмюэл Скаддер предлагал выяснить в опыте зависимость судьбы насекомого от его расцветки. Он удивлялся, почему гусеница гротескной формы и угрожающей окраски буквально кишит пожирающими её паразитами, тогда как близкий вид гусениц для них несъедобен? Почему отбор растрчивает силы на такие детали, как рисунок гусеницы или взрослой бабочки, а не на борьбу с паразитами, от которых гибнет 99,9 % гусениц? Когда опыт был наконец поставлен, выяснилось, что даже крайний случай наиболее утончённой маскировки гусениц почти ничего им в целом не дает: птицы тратили от 7 до 40 минут на поиск первой гусеницы, но после обнаружения первой гусеницы остальные почти всегда отыскивались очень быстро, за секунды. Если учесть, что сам рисунок гусеницы не может сформироваться путем отбора быстрее, чем за десятки миллионов лет (а за это время много раз изменяется и фон, и вся экологическая обстановка), то ясно, что мимикрия – наивный маскарад, который хищники легко разгадывают».⁵

⁴ Чайковский Ю. В. Элементы эволюционной диатропики. М., 1990. С. 115–116.

⁵ Любищев А. Л. Проблемы формы систематики и эволюции организмов. М., 1982.

Приспособительный характер мимикрии, таким образом, явно оказывается под вопросом. И напротив, механизм копирования фона может быть рассмотрен вне явлений адаптации – как аккомодация, т. е. перенос изображения из окружающей среды на поверхность собственного тела, осуществляемый как ряд автономных процессов безотносительно к приспособлению и тем более к «хитрости». Ю. В. Чайковский рассматривает маскировку и мимикрию как неселективные приспособления. Он пишет: «Проблема в том, чтобы понять механизм маскировки, например, камбалы: каким образом нижняя сторона тела передает информацию для рисунка на верхней его стороне. Это чисто физиологическая проблема (а может быть, даже чисто физическая. – А. С.)... Положенная на разноцветные камешки, камбала постепенно исчезает из виду, это всем известно, но почти никто не видит здесь сходства с бабочкой, исчезающей среди сухих листьев».⁶ Вектор естественного отбора оказывается лишним для постижения мимикрии. Ещё важнее то, что различные виды совершают один и тот же промах – копируют своей верхней стороной нижнюю сторону листа. Бесспорно, это – приспособление, но воспользоваться им мудрено – надо перевернуться. Х. Котт писал, что листотелка лишь иногда висит под ветвью или черенком листа. В остальное время она совсем не маскируется и напоминает лист, который торчит не туда. Ей остается только полагаться на неразборчивость птиц, не замечающих её столь вызывающего поведения. Может быть, враги листотелки нападают снизу, из листвы? Но у неё нет способности оставаться спиной вниз, да и зачем бы это? Если хищник приблизится настолько, что сможет разглядеть листоподобные прожилки, то заведомо увидит торчащие из-под «листа» голову и заднюю часть насекомого.⁷ Зато если представить себе механизм перенесения рисунка из фона на поверхность тела как автономный самодостаточный процесс, то многие неясности сразу же устраняются. Действительно, если вид листа насекомым скопирован, то естественно, что копировалось то, что насекомое «видело» вблизи и снизу, а не то, что может видеть птица издали и сверху.⁸ Скорее всего, мы имеем здесь дело с распределением изначального набора «хороших форм», или «предполагаемых» контуров природы, – лишь в этом случае можно избежать лукавых вопросов: отчего это морозные узоры на стекле «маскируются» под буйную растительность или почему рисунок хвоста известной науке рыбы удивительно напоминает выполненную по-арабски надпись «нет бога кроме Аллаха»?⁹

Следовательно, представление о том, что мимикрия является бессознательной разновидностью хитрости, т. е. модусом лжи, лишено оснований. Ложь входит в природу иначе. Даже паразитизм трудно интерпретировать как «стратегию обмана».

Во-первых, отношения паразита и хозяина далеко не всегда бывают односторонне выгодными. Так, симбиоз генетически восходит к паразитизму и, собственно говоря, является его частным случаем; ряд клеточных структур (скажем, митохондрии) являются бывшими паразитами клетки, постепенно ставшими её составной частью благодаря переплетению геномов.

Во-вторых, часто бывает трудно определить, кто кем пользуется или кто кого «обманывает»; в известном смысле, всякий зародыш есть «паразит» материнского организма. И всё же вернее всего будет сказать, что явление паразитизма – одна из тех «линий наименьшего сопротивления», по которой проходит разлом, вызываемый контактом с ложью, фальсификацией; здесь обнаруживается как бы наименьшее «сопротивление материала», и великий обманщик именно сюда безошибочно направляет острие своего сверхоружия.

Со времени исследований Дж. Мэйнарда Смита (J. Maynard Smith) и особенно Р. Л. Триверса (R. L. Trivers) стало ясно, что устойчивая «стратегия обмана» в природе невозможна и

⁶ Чайковский Ю. В. Элементы эволюционной диатропики. С. 117–118.

⁷ Котт Х. Приспособительная окраска животных. М., 1950. С. 172. – Здесь же другие оригинальные примеры.

⁸ Там же. С. 118–119.

⁹ Там же.

следует говорить, скорее, о волнах фальсификации, которые набегают, например, на поведение вида или популяции, вызывая цепь разрушений, а затем спадают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.